

А.С. Королев

К характеристике творчества летописца новгородского архиепископа Антония (первая четверть XIII в.)

Автор статьи, опираясь на сложившийся в отечественной историографии комплекс представлений об истории развития новгородского летописания, предлагает дополнительные детали к характеристике творчества неизвестного книжника первой четверти XIII в., по заказу новгородского архиепископа Антония редактировавшего местный летописный свод. Внимание автора статьи привлекли упоминания в Новгородской I летописи новгородского князя Ильи (начало XI в.) и Тидрека Бернского. Имя Ильи в составе перечня новгородских князей автор статьи считает поздней вставкой, сделанной летописцем архиепископа Антония. Учитывая активный культурный обмен новгородцев с купцами, прибывавшими из немецких городов, делается вывод о знакомстве новгородского летописца с немецкими сказаниями, позднее вошедшими в состав «Тидрек-саги». Автор считает, что упоминаемый в перечне новгородских князей Илья стал известен летописцу архиепископа Антония из немецкого источника, и его образ является отражением сказаний о вымышленном Илиасе – знатном русском, персонаже «Тидрек-саги». По мнению автора статьи, увлечение новгородского летописца начала XIII в. немецкими сказаниями является одним из проявлений его стиля, при редактировании оказавшего влияние на текст новгородского летописного свода.

Ключевые слова: Древняя Русь, Новгород, летописи, Илья Ярославич, Новгородская I летопись, Сага о Тидреке Бернском, перечень князей.

А.А. Шахматов считал, что первый летописный свод в Новгороде, положенный «в основание дальнейшего новгородского летописания», [22, с. 272] был «составлен в 1050 г. по распоряжению новгородского

владыки Луки и князя новгородского Владимира» [22, с. 367], далее, в 1167 г. в Новгороде составили второй летописный свод, также при дворе новгородского владыки. «В основание его был положен список Повести временных лет второй редакции (1118 г.); но он воспринял и все содержание предшествующего новгородского свода» [Там же, с. 272]. Свод 1167 г. также «лег в основание дальнейшего новгородского летописания, ведшегося погодно при дворе архиепископа» [Там же]. Создание следующего новгородского летописного свода А.А. Шахматов относил лишь к 1333 г. В деле выявления свода 1167 г. важную роль в разысканиях А.А. Шахматова сыграли перечни киевских князей и князей новгородских, русских митрополитов, новгородских владык и новгородских посадников, которые разрывают рассказ Новгородской первой летописи (далее – НПЛ) младшего извода о крещении князем Владимиром Святославичем Руси, назначении им духовенства и сокрушении идола Перуна в Новгороде (под 6497 г.). После этой вставки следуют два «пустых» года (6497 (повторно) и 6498), а далее продолжается история княжения Владимира [16, с. 160–165]. Перечень князей киевских был доведен только до имени Ростислава Мстиславича (1159–1166). Отсюда и последовал вывод: перечень и свод были составлены до 1167 г. [22, с. 145]. Анализ текста «перечня новгородских князей» убедил А.А. Шахматова в том, что и он восходит в своей древнейшей части к своду 1167 г., как и перечень посадников и списки новгородских владык [Там же, с. 186]. В последующем новгородском летописании все эти перечни дополнялись новыми именами вплоть до первой четверти XV в. – перечень новгородских князей завершался именем великого князя Василия Васильевича Темного.

Д.С. Лихачев предложил иную историю новгородского летописания. Исследователь пришел к выводу, что в годы княжения в Новгороде внука Владимира Мономаха Всеволода Мстиславича (1118–1136 гг.) «был составлен свод, соединивший летопись, ведущуюся в Новгороде с начала XI в., с третьей редакцией “Повести временных лет”» [19, с. 367]. Позднее этот свод был значительным образом отредактирован, а в начале XIII в., «после 1204 г., был составлен новый свод», который заканчивался повестью о взятии Константинополя крестоносцами, как раз в 1204 г. [Там же].

В.П. Адрианова-Перетц высказала предположение о том, что автором «Повести о взятии Царьграда фрягами» (далее – ПВЦ) был новгородец Добрыня Ядрейкович, будущий архиепископ новгородский Антоний, который с чужих слов (от очевидца) описал осаду и погром столицы Византии [9, с. 303]. М.Х. Алешковский также пришел к выводу, что автором ПВЦ был Добрыня Ядрейкович. По мнению исследователя, архиепископ Антоний оказал огромное влияние на развитие новгородского летописания:

в его правление, в 1225–1228 гг., был составлен новый летописный свод, включивший как отредактированный текст древнейшей части владычной летописи, так и новые материалы, в том числе ПВЦ [1, с. 74–83].

Большое внимание новгородскому летописанию уделил в своих изысканиях А.А. Гиппиус. Он принял вывод А.А. Шахматова о том, что «в середине XI в. в Новгороде при Софийском соборе был составлен летописный свод» [5, с. 68], который затем, на протяжении нескольких десятилетий «несистематически пополнялся отдельными летописными записями» [Там же, с. 69]. С уточнениями А.А. Гиппиусом был принят и вывод Д.С. Лихачева о своде князя Всеволода Мстиславича (свод мог быть составлен как в первые годы княжения Всеволода в Новгороде, так и «еще в 1116–1117 гг., при Мстиславе Владимировиче» [Там же]). Какое-то время А.А. Гиппиус признавал и шахматовские положения о существовании свода 1167 г. (с расширением датировки свода до 1167–1170 гг.), о том, что важнейшей частью работы сводчика было создание перечней киевских и новгородских князей, и о том, что свод 1167 г. стал основой всего последующего владычного летописания и пополнялся летописными записями вплоть до 30-х гг. XV в. [5, с. 47–48, 58, 69]. Гипотезу М.Х. Алешковского о своде 1220-х гг. А.А. Гиппиус не принял, а сама фигура новгородского сводчика начала XIII в. показалась ему «скорее призрачной, чем имеющей за собой реальное текстологическое содержание» [Там же, с. 51–52]. В то же время появление в новгородском летописании первой четверти XIII в., в совсем небольшой временной промежуток, ПВЦ и иных дополнительных литературных материалов, привело А.А. Гиппиуса к заключению, что их «включение в летопись произошло достаточно рано, еще в XIII в. (и даже до конца 1230-х гг.)» [6, с. 359]. Однако «более вероятным, чем одновременное появление всех этих текстов во владычном своде», А.А. Гиппиус счел «их поэтапное привлечение разными владычными летописцами» [Там же]. В результате А.А. Гиппиус охарактеризовал первую четверть XIII в. «как период наиболее активного редактирования владычной летописи» [Там же].

Стремление предшественников за любым редактированием летописи усматривать составление нового свода (или нескольких сводов) владычного летописания на каком-то этапе изысканий вызвало у А.А. Гиппиуса возражения. Исследователь значительно скорректировал свой взгляд, придя к выводу, что история новгородского владычного летописания XII–XIV вв. восстанавливается как история «официального» свода, одной рукописи, созданной около 1115 г. и затем из года в год пополнявшейся новыми записями [6, с. 359–360]. Таким образом, свод 1167 г. из этой схемы выпал.

Далее исследователь обратил внимание на то, что в середине десятых годов XIII в. «тема патроната св. Софии буквально выплескивается на страницы НПЛ в виде россыпи “софийских» формул”» [7, с. 181], за этим он увидел проявление «цельной идеологическую программы» [Там же, с. 182], а за особенностями стиля изложения НПЛ, начиная со статьи 6722 (1214) г. – то, что, начиная с десятых годов XIII в., «к ведению городской хроники приступил... книжник с исключительно яркой авторской физиономией» [Там же, с. 186]. Этот книжник определяется А.А. Гиппиусом «как летописец архиепископа Антония» (Добрыни Ядрейковича), с деятельностью которого исследователь связывает «основной текст НПЛ за 6719 (1209) – 6734 (1226) гг.» и продвижение вышеозначенной идеологической программы [Там же]. Известно, что результатом посещения Добрыней Ядрейковичем Константинополя стала «Книга паломник» с подробнейшим описанием царьградских святынь. Из этого обстоятельства А.А. Гиппиус делает вывод, что «есть все основания связывать с Антонием» включение ПВЦ в НПЛ [7, с. 187]. Самого Антония-Добрыню он склонен считать автором ПВЦ, Не разделяя в целом гипотезы М.Х. Алешковского о «своде конца 1220-х гг.» и по-прежнему считая, что большая часть аргументов в пользу существования этого свода «не выдерживает критики» [Там же, с. 194], А.А. Гиппиус признает, что «отдельные признаки предпринятого в это время редактирования владычной летописи действительно имеются» [Там же, с. 195].

Взгляд на Добрыню Ядрейковича как на очевидца описанных в ПВЦ событий (а автор произведения, как следует из текста, таким очевидцем был) не кажется мне достаточно обоснованным. Зато резонным представляется соображение В.П. Адриановой-Перетц о том, что, старательно описав в «Книге паломник» достопримечательности византийской столицы, Добрыня, оказавшись он свидетелем их разгрома, не удержался бы от упоминания об этом в своем сочинении [9, с. 303]. Трудно оспорить и вывод Н.А. Мещерского, считавшего бесспорным, «что характерная лексика, использованная в повести, не содержит в себе ничего специфически новгородского и скорее ведет нас к словоупотреблению, свойственному южной Руси того времени. К этому же выводу приводят и некоторые наблюдения над грамматическими особенностями языка повести» [15, с. 210]. Таким образом, и новгородский книжник, который, принаравливаясь к вкусам владыки Антония, внес ПВЦ вскоре после ее создания в редактируемую им летопись, автором ПВЦ не был.

Внимание привлекает одна деталь, имеющаяся в тексте ПВЦ. При перечислении предводителей крестоносцев, разграбивших Константинополь,

указано: *Се же имена воеводамъ их: 1 Маркосъ от Рима, въ градъ Берне, идеже бѣ жиль поганьи злыи Дедрикъ...* [16, с. 245]. Маркос – это Бонифаций маркграф Монферратский. Н.А. Мещерский обратил внимание на то, что «родиной маркграфа назван город Верона, причем передано название в немецкой форме – Берн (Bern) с пояснением: “иде же бѣ жиль поганьи, злыи Дедрик”, т.е. Теодорих Остготский» [15, с. 205]. Это навело его на мысль «о знакомстве автора повести с каким-то немецким источником, возможно, с “Песнью о Нибелунгах”, в которой Теодорих, как известно, фигурирует под именем Dietrich von Bern. Форма же имени “Дедрик”, как нам кажется, свидетельствует о нижненемецком его произношении» [Там же]. Далее, уже по поводу написания имен всех предводителей крестоносцев, Н.А. Мещерский предположил: «Не попали ли эти названия в повесть в результате непосредственного общения ее автора именно с фландрскими рыцарями-крестоносцами, со слов которых и были записаны имена их вождей» [15, с. 206].

Возможно, рыцари-крестоносцы могли в ходе общения донести до русского путешественника имена своих вождей, однако вряд ли от них он почерпнул информацию о «злом Дедрике». Упоминание этого литературного персонажа – то, что русский книжник внес от себя, не упустив случая продемонстрировать свою эрудицию. При этом фраза *идеже бѣ жиль поганьи злыи Дедрикъ* не имеет связи с предыдущим и последующим повествованием и ничего не дает для личностной характеристики «Маркоса от Рима». Этот географически-литературный изыск по существу является дополнительной информацией, вставкой в текст, которую мог сделать как сам автор ПВЦ, так и ее позднейший редактор.

Предположение Н.А. Мещерского о знакомстве русского автора ПВЦ с «Песнью о Нибелунгах», обставленное словами «возможно» и «какой-то немецкий источник», вряд ли появилось в результате серьезных изысканий замечательного филолога-слависта. В «Песне о Нибелунгах» Тидрек Бернский выступает как сугубо положительный герой, и называть его «злым» читателю «Песни» было бы незачем. Источник знаний о Тидреке-Дедрике у русского книжника был другой. Вероятно, более прав в попытке его определить И.Э. Клейненберг, который, как и Н.А. Мещерский, признал, что «форма имени Дедрик указывает на нижненемецкий источник, т.е. на источник из Северной Германии», но заметил, что там «циркулировали сказания, составившие основу “Саги о Тидреке Бернском”» [13, с. 130].

«Сага о Тидреке Бернском» («Тидрек-сага») – масштабная компиляция, основанная на нижненемецких сказаниях и возникшая около 1250 г. в норвежском Бергене, куда материалы для нее занесли купцы из городов Зоста,

Бремена и Мюнстера. Учитывая, что текст ПВЦ читается уже в составе Синодального списка НПЛ старшего извода, в той части рукописи, которая датируется XIII в. (напомню, по мнению А.А. Гиппиуса, ПВЦ попала в новгородское летописание до 1230 г.), и, как заметил О.В. Творогов, «перед нами весьма редкий случай, когда рукопись незначительно удалена по времени от даты создания памятника» [17, с. 537], речь может идти о знакомстве русского книжника именно со сказаниями, а не с самой «Тидрек-сагой». Другое дело, что ознакомиться с этими сказаниями русские вполне могли не позднее первой четверти XIII вв., т.е. как раз тогда, когда ПВЦ была внесена в состав НПЛ.

Русско-немецкие отношения в указанный период времени были неоднозначными. С одной стороны, начиная с 1180-х гг., когда в устье Западной Двины появился прибывший сюда вместе с любекскими купцами священник Мейнгард, одержимый идеей распространения христианства среди ливов, имело место противостояние. Ливы признавали верховную власть князя полоцкого Владимира (*Woldemarus de Plosceke*), и Мейнгарду пришлось испрашивать у русского князя разрешения на то, чтобы остаться в этой стране. Разрешение было получено, и это событие, как известно, послужило отправной точкой к началу немецкой экспансии в Прибалтике. С другой стороны, отношения с немцами не сводились только к войне, противостояние периодически сменялось миром, продолжалась выгодная торговля. В 1189–1199 гг. был заключен договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами. Известно о заключении торгового соглашения между Ригой и Полоцком в 1210 г. От 1229 г. до нашего времени дошел торговый договор смоленского князя Мстислава Давыдовича, заключенный от его имени и от имени князей полоцкого и витебского с Ригой и Готландом. В нем упоминаются и другие немецкие города, с которыми русские поддерживали торговые сношения: Висби, Любек, Жат (Соест или Зост), Мюнстер, Бремен и др. [18, с. 70]. Любопытно, что Зост, Бремен и Мюнстер – города, сказания жителей которых были использованы при составлении «Тидрек-саги». И.Э. Клейненберг (да и не он один) доказывал, что между сторонами шел активный русско-немецкий культурный обмен, в том числе и по линии эпических песен и пересказа в прозе подвигов их персонажей [13, с. 132–133].

Упоминания в ПВЦ географического названия «Берн» и личного имени «Дедрик», данных в немецких формах, можно также считать результатом культурного обмена, объяснимого в условиях Северо-Западной Руси. Поскольку ПВЦ была составлена в Руси Южной, можно предположить, что фраза о «злом Дедрике» – вставка, сделанная при внесении повести

в НПЛ новгородским книжником, редактором новгородского архиепископа Антония. Этот интерес летописца-новгородца к немецким сказаниям – его своеобразная авторская характеристика, которая позволяет нам сделать ряд новых выводов.

Как известно, в действие «Тидрек-саги» втянуто огромное число персонажей, от отдельных героев до целых народов. Среди прочих, в некоторых эпизодах саги действуют и русские, упоминаются города Новгород, Смоленск и Полоцк. Одним из героев саги является правитель Руси (со столицей в Новгороде) Гертнит, изначально владевший также Венгрией и Грецией, а затем покоривший еще Польшу и так называемый Вилькинланд (или Вильгинланд, Вильциналанд) – обширную страну, на месте которой располагается ныне Швеция. После смерти Гертнита остались три сына: старший сын Озантрикс получил Вилькинланд, младший Вальдемар – Русь, Польшу и всю восточную часть владений отца. Третьего сына Илиаса (*Ilias*), сильного витязя, но человека мирного и приветливого, родила Гертниту наложница. Илиас получил достоинство ярла и власть над Грецией. Далее по ходу действия саги русским предстояло сражаться и быть побежденными Аттилой, на стороне которого выступал и Тидрек Бернский. В финале войны силы Аттилы осаждали Полоцк и Смоленск. В сражении под Смоленском русская армия была разбита, конунг Руси Вальдемар погиб. После трехмесячной осады Полоцк пал, население его истребили, а город сровняли с землей. Оборону Смоленска в саге возглавляет младший брат Вальдемара – ярл Греции, но и его Аттила и Тидрек вынудили сдать и признать зависимость Руси от Аттилы [2, с. 130–190].

Имя могучего Илиаса Русского упоминается и в верхненемецкой поэме «Ортнит», записанной в 1220–1230 гг. на основе устных сказаний, бытовавших в Германии в течение нескольких веков. Главный герой поэмы, молодой король Ортнит, в некие стародавние времена правил в королевстве Ломбардском. А «король» Илиас Русский (поэма называет его *король Илиас, король из Руси, король из дикой Руси*) – дядя Ортнита по материнской линии [12, с. 21–24].

На первый взгляд может показаться, что мир, который немцы увидели в Северо-Западной Руси, они и отразили в своих фантастических сказаниях: русскими управляет Владимир, которому принадлежат Полоцк и Смоленск. Сразу вспоминается вышеупомянутый полоцкий князь начала XIII в. Владимир, неосмотрительно подпустивший немцев близко к своим владениям, а затем вступивший с ними в упорную борьбу. Он, кстати, хорошо известен по немецким источникам, но не упоминается в русских летописях. Однако центром владений Владимира в саге был Новгород, а не Полоцк.

С Новгородом шла бойкая торговля все у тех же немецких городов Зоста, Бремена и Мюнстера. Но, скорее всего, на немцев, торговавших через остров Готланд с русскими, повлияла не только опасная для их единоверцев фигура Владимира Полоцкого, но и фольклорный образ Владимира Киевского, позднее получивший свое развитие в дошедших до нас былинах. Это ясно следует из помещения рядом с ним на страницах «Тидрек-саги» богатыря Ильи-Илиаса, по общепринятому мнению специалистов, – позднейшего Ильи Муромца, пока еще без прозвища. Так что искать в «Тидрек-саге» отражение каких-то реальных событий или биографий деятелей русской истории смысла нет. Судя по всему, имя Владимира должно было казаться немцам типичным именем русского правителя.

Негативное отношение новгородского летописца к «Дедрику», определение его как «поганого» и «злого», понятно лишь в свете материалов «Тидрек-саги». И.Э. Клейнберг связывал неприятие «Дедрика» русскими с тем, что ознакомившись с его «деяниями», отразившимися в немецких сказаниях, русские разглядели в нем своего злейшего врага [13, с. 135].

В Илье-Илиасе из «Ортнита» и «Тидрек-саги» мы не видим ничего, характерного для былинного Ильи Муромца [8, с. 194]. Судя по всему, немцы знали об Илье-Илиасе только то, что он славный и могучий старый богатырь, воевавший вместе с князем Владимиром против общих врагов и проявлявший к ним беспощадность. При этом важнейшая черта в характеристике Ильи Русского (Греческого) – то, что у немцев он знатный человек, король Руси или ярл Греции, связанный родством с конунгом Владимиром. В былинах же особо подчеркивается «простое» происхождение Ильи Муромца. С другой стороны, в былинах Владимир сам никаких подвигов не совершает, он лишь посылает на них своих богатырей. В «Тидрек-саге», напротив, Вальдемар-Владимир весьма активен.

Может показаться, что ничего из русского эпоса создатели «Ортнита» и «Тидрек-саги» не взяли, кроме имен Владимира и Ильи, позволивших им придать своим произведениям «русский колорит», удачно «разбавив», таким образом, своих Гертнитов и Озантриксов. Отсюда можно предположить как то, что «знатность» Ильи-Илиаса не отражает русский материал и вообще не является исконной, так и то, что, напротив, у русских изначальная знатность былинного Ильи век от века падала, в результате чего на момент начала активного собирания былин в XIX в. он превратился в крестьянского сына и старого казака. Народ, как известно, стремился сделать любимого героя как можно более «своим», а нарастающее век от века в фольклоре неприятие власти все более и более лишало образ князя Владимира какого-либо богатырства.

Любопытно, что Илья-Илиас из «Ортнита» и «Тидрек-саги» – второй известный пример знатного русского (ярла или короля), носившего это имя, близкого родственника правителя государства. Первым является новгородский князь Илья из вышеупомянутого перечня новгородских князей НПЛ. Этот перечень открывается информацией:

А се в Новъгородѣ: прѣввыи князь по крещении Вышеславъ, сынъ Володимиръ; и по нем брат его Ярославъ, и володѣше землю; и идя къ Киеву, и посади в Новъгородѣ Коснятина Добрыница. И родися у Ярослава сынъ Илья, и посади в Новъгородѣ, и умре. И потомъ разгнѣвася Ярослав на Коснятина, и заточи и; а сына своего Володимира посади в Новъгородѣ. И писа грамоту Ярославъ, рекъ тако: «по сеи грамотѣ ходите» [16, с. 161].

Такой же перечень (а в нем имя Ильи Ярославича) имеется в материалах, предшествующих основному тексту Комиссионного списка летописи, правда, здесь перечень князей Новгорода доведен до великого князя Василия Дмитриевича [Там же, с. 470–471]. В последнем варианте перечень новгородских князей оказался в составе Летописного сборника последней трети XV в., получившего в литературе название «Летопись Авраамки» [14, стб. 313–315]. Начальная часть перечня (до княжения Мстислава Изяславича), с вышеуказанным упоминанием имени Ильи, попала также в состав Тверского сборника (первая половина XVI в.). [21, стб. 16]. Никакой другой летописной информацией о новгородском князе Илье Ярославиче мы не располагаем.

Упоминание об Илье Ярославиче не осталось без внимания исследователей. Его заметил уже Н.М. Карамзин [10, с. 202–203, прим. 33], а затем за два века сложилась довольно внушительная историография, посвященная этому сыну Ярослава Мудрого. Любопытно, что почти все исследователи, касавшиеся этого сюжета, относились к информации НПЛ с полным доверием и принимались выстраивать на ее основе самые неожиданные концепции по русской истории начала XI в. Исключение составляет лишь А.Ю. Карпов, усомнившийся в существовании Ильи Ярославича и предположивший, что Илья – крестильное имя князя Владимира Ярославича, настоящего старшего сына Ярослава Мудрого, также упомянутого в перечне новгородских князей [11, с. 67]. Поскольку эти работы имеют к проблеме настоящей статьи лишь косвенное отношение, я счел возможным более их здесь не касаться. Особо стоит упомянуть лишь работу П.В. Владимирова, в духе «исторической школы» в былинноведении высказавшего предположение, что к «молодому князю Илье восходит древнейший прототип нашего Ильи Муромца» [3, с. 221]. Как известно, положение «исторической

школы» о том, что былины – это некая «устная летопись», что они обязательно содержат в своей основе конкретные исторические события, а у былинных героев есть реальные прототипы, покоятся на довольно шатком фундаменте. Если народ пытался таким способом сохранить память о реальных событиях прошлого, то цель явно не была достигнута. Былины даже для специалистов, стоящих на позициях «исторической школы», представляют собой «своеобразный (и по-разному решаемый) ребус» [20, с. 110]. Но связь князя Ильи из списка новгородских князей НПЛ с Ильей Муромцем, а точнее, с Ильей-Илиасом немецких сказаний, все-таки существует, правда, как мне представляется, она имеет прямо противоположную высказыванию П.В. Владимирова зависимость.

По мнению А.А. Шахматова, информация об Илье Ярославиче (вместе с иной, отсутствующей в других известных летописных источниках) была заимствована в перечень новгородских князей из более раннего летописания (предыдущего владычного свода) и содержалась в составе перечня изначально, с момента его составления [22, с. 184–185]. Это положение мне представляется недостаточно обоснованным. Скорее наоборот, мы имеем дело с позднейшей вставкой в ранее написанное, вставкой, разрывающей вполне связное сообщение о взаимоотношениях Ярослава Мудрого и Коснятина Добрынича, вставкой, содержание которой не связано ни с предыдущим, ни с последующим сообщениями. Если убрать предложение *И родися у Ярослава сынъ Илья, и посади в Новъгородъ, и умре*, то получится: *Ярослав идя къ Киеву, и посади в Новъгородъ Коснятина Добрыница. <...> И потомъ разгнѣвася Ярослав на Коснятина, и заточи и; а сына своего Володимира посади в Новъгородъ. Потом* – после того, по прошествии времени, но не после смерти Ильи, а после «посаждения» Коснятина. Этот промежуток времени мог включать два десятилетия до прибытия в Новгород Владимира Ярославича. А история жизни Ильи, которую внес в текст редактор, если не считать *и посади в Новъгородъ*, сводится к двум словам: родился и умер. Если мы имеем дело со вставкой, внесенной в уже готовый перечень, то возникает вопрос, когда она была сделана? Т.В. Гимон, согласившись, что у «перечней новгородских и киевских князей был протограф 60-х гг. XII в.» [4, с. 602], допустил «великую вероятность» того, что «в это время перечни были составлены не впервые, но на основании еще более ранних списков» [Там же, с. 603]. Временем же появления «первоначальных перечней», исходя из характера материала и манеры его подачи, исследователь признал 1095 г. [Там же, с. 602–610]. Если согласиться с этим, становится возможным предположение, что первоначальный список новгородских князей мог быть пополнен вставкой имени Ильи в промежуток

времени от 1095 до 1167 г. Однако, учитывая вышеозначенное русско-немецкое культурное взаимодействие, более вероятным представляется, что эта вставка была сделана гораздо позднее.

Если исходить из положения, что первый вариант списка новгородских князей был внесен в новгородское летописание около 1167 г. (в результате ли составления свода, как полагал А.А. Шахматов, или редактирования владычного свода, как считает А.А. Гиппиус (отказавшись от представления о существовании свода 1167 г., исследователь, кажется, не оспаривал времени вставки списка новгородских князей)), а упоминание о князе новгородском Илье носит характер поздней вставки в текст списка, можно предположить, что наиболее вероятным временем внесения имени Ильи в перечень является время составления нового свода (как виделось М.Х. Алешковскому) или очередного редактирования владычного свода (как представляется А.А. Гиппиусу) при архиепископе Антонии (Добрыне Ядрейковиче) в первой четверти XIII в.

Невнятность этой вставки, отсутствие какой-либо иной информации о князе Илье в русском летописании позволяет предположить, что источником этого упоминания послужили материалы сказаний о похождениях Тидрека Бернского, которые были известны редактору-книжнику архиепископа Антония, вставившему в текст ПВЦ, внесенной им в новгородское летописание, и упоминание о «злом Дедрике» из Берна. Вероятно, добросовестный русский книжник, узнав о знатном Илье-Илиасе, родственнике князя Владимира, не смог пройти мимо этой информации. С другой стороны, детали немецкого сказания показались ему столь фантастическими и несхожими с материалами русских летописей, что он просто не решился взять для своей работы что-либо еще, кроме простого упоминания о князе Илье, поместив его в список новгородских князей. Новгородец твердо знал как, согласно летописной традиции, звали братьев и детей Владимира Святославича (их «исчерпывающий» список в летописи имеется [16, с. 159]), знал, что Ильи среди них не было, а потому поместил Илью среди сыновей Ярослава, четкого перечня которых, в отличие от сыновей Владимира, летописи не давали. Какую-то роль, возможно, сыграло и то, что в предшествующем списку новгородских князей списке князей киевских (в статье 6497 г.) неверно сообщалось о том, что после кончины Ярослава Мудрого у него осталось всего три сына – Изяслав, Святослав и Всеволод [Там же, с. 160]. Увидев в отсутствии информации об Илье еще одну неточность своего предшественника, книжник начала XIII в. внес упоминание об Илье в редактируемый текст. Сочтя Илью старшим сыном Ярослава, русский книжник, по аналогии с биографией его «второго» сына Владимира

Ярославича, решил, что Илья Ярославич также сидел на княжении в Новгороде и скончался при жизни отца.

Таким образом, увлечение летописца новгородского архиепископа Антония немецкими сказаниями представляется его своеобразным «фирменным» стилем, при редактировании оказавшим влияние на весь текст новгородского владычного свода, начиная с самого начала. Вероятно, при последующем изучении НПЛ исследователи могут обнаружить и другие примеры, характерные для творчества новгородского летописца начала XIII в.

Библиографический список

1. Алешковский М.Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971.
2. Веселовский А.Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1906 г. СПб., 1906. Т. 11. Кн. 3. С. 1–190.
3. Владимиров П.В. Введение в историю русской словесности: из лекций и исследований. М., 2014.
4. Гимон Т.В. События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 584–703.
5. Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.
6. Гиппиус А.А. К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 345–364.
7. Гиппиус А.А. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. М., 2009. С. 181–198.
8. Глазырина Г.В. Илья Муромец в русских былинах, немецкой поэме и скандинавской саге // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 192–202.
9. История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1.
10. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М., 1991. Т. 2–3.
11. Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М., 2001.
12. Кирпичников А.И. Опыт сравнительного изучения западного и русского эпоса: Поэмы ломбардского цикла. М., 2016.
13. Клейненберг И.Э. «Дедрик Бернский» в Новгородской I летописи // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 129–136.
14. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000. (Полн. собр. рус. летописей. Т. 16).
15. Мещерский Н.А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. // Мещерский Н.А. Избр. ст. СПб., 1995. С. 190–211.
16. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. (Полн. собр. рус. летописей. Т. 3).

17. Памятники литературы Древней Руси: XIII век / Общ ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачев. М., 1981.
18. Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2.
19. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб., 1996.
20. Путилов Б. Концепция, с которой нельзя согласиться // Вопросы литературы. 1962. № 11. С. 98–111.
21. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. (Полн. собр. рус. летописей. Т. 5).
22. Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М.; Жуковский, 2001.

Королев Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент; независимый исследователь

E-mail: koryuz@mail.ru

A. Korolev

On Characteristics of the Work of the Chronicler of Novgorod Archbishop Anthony (the First Quarter of the Thirteenth Century)

The author of the article offers additional details to the characteristics of the work of the unknown scribe of the first quarter of the XIII century, who edited the local chronicle by order of Novgorod Archbishop Anthony. The author makes his deductions relying on the complex of ideas about the history of the Novgorod chronicle, formed in the national historiography. Special attention is given to the mention in *The First Novgorodian Chronicle* of Novgorod Prince Ilya (the beginning of XI century) and Thidrek from Bern. The author considers the name of Ilya in the list of Novgorod princes to be a late insertion made by the chronicler of Archbishop Anthony. Taking into account the active cultural exchange with Novgorod merchants, who came from German cities, the author comes to a conclusion that the chronicler got acquainted with the German tales, later included in *The Thidhrekssaga*. The author believes that a chronicler of Archbishop Anthony got to know about Ilya who was mentioned in the list of the princes of Novgorod because of some German source. The image of Ilya is a reflection of tales about the fictional Ilias – a noble Russian character from *The Thidhrekssaga*. According to the author, the interest of the Novgorod chronicler of the early XIII century in German tales is one of the manifestations of his style, which influenced the text of the Novgorod chronicle.

Key words: Ancient Rus, Novgorod, chronicles, Ilya Yaroslavich, The First Novgorodian Chronicle, *The Thidhrekssaga*, list of princes.

Korolev Alexander S. – PhD in History; independent researcher